

«У представителей Клана Фениксов всё просто, — размышлял Тан Яньчжи, — чем чище кровь, тем благороднее и изящнее повадки. А этот бесполезный паршивец Лань Сяохо, небось, унаследовал жалкую каплю их наследия, а растрезвонил на весь мир, будто он чистокровный феникс. Глянуть только на его вечные ужимки — где там хоть капля грации?»

Один-единственный Плод Продления Жизни стоил целое состояние в духовных жемчужинах. Переводить такое сокровище ради пустого любопытства Тан Яньчжи не собирался.

— Отличная работа, — Тан Яньчжи протянул Чиюню нефритовый флакон.

Лань Сяохо в пару глотков прикончил плод.

«Тан Яньчжи просто ничтожество, обделённое вкусом, — высокомерно рассудил пернатый. — Такое объедение, а он даже кусочка не попробовал. Глупец!»

Ранее, когда они переправили духовные плоды пяти стихий в пространственное хранилище, Тан Яньчжи, как и обещал, разделил добычу. В итоге вышло, что сам он оставил себе пять штук, Лань Сяохо забрал четыре, Чиюню досталось три, а в запасе осталось всего три плода.

Два плода он отдал братьям — те сразу их съели, — а последний решил побережечь для А-Юй, второй невестки. Тан Яньчжи бросил взгляд на духовное древо пяти стихий. Отец с матерью уже вплотную подоברались к Созданию Основания. С их врождённым талантом торопить события не требовалось, так что тратить на них ценные ресурсы пока не имело смысла.

Напитавшись духовной энергией, деревце зацвело. При должном уходе и обильной подпитке новый урожай не заставил бы себя ждать. Вот только где раздобыть столько чистой энергии?

Может, продать три оставшихся плода, а на вырученные жемчужины ускорить рост древа?

Немного поколебавшись, Тан Яньчжи отбросил мысли о продаже. Духовные плоды пяти стихий пригодятся его близким. Сяо Лои и Сяо Цзыань теперь всегда будут рядом, и эти сокровища рано или поздно им точно понадобятся.

— Так это и есть то самое Духовное древо пяти стихий? — Лань Сяохо с любопытством закружил вокруг саженца, цокая языком. На вид — обычный куст, ничего примечательного.

Пока на ветвях не созрели плоды, отличить волшебное древо от сорного подлеска действительно было почти невозможно.

— Ну что, пойдём наведём шороху напоследок, а там и до закрытия малого мира рукой подать,
— Тан Яньчжи решительно поднялся.

Он гордо, с видом триумфатора повёл своих зверей на прогулку по неизведанным землям. Шёл он нарочито не таясь, будто нарочно выманивал тех, кто рыскал по его следу.

— Ну что, выходим? — прошептал один из преследователей в зарослях.

— Погоди. Ломится напролом средь бела дня... Вдруг это ловушка?

— Понаблюдаем ещё немного.

— Эти трое плетутся сзади и крадутся как воры. Чего они выжидают? — проворчал Лань Сяохо, пережёвывая кусок сочного мяса, которым с ним услужливо поделился Чиюнь.

— Наверняка они заприметили, как доблестно я расправляюсь с чудовищами, — с самым серьёзным видом отозвался Тан Яньчжи. — Очевидно, они устыдились своей низости перед лицом моего величия и теперь мучаются угрызениями совести.

— Величие? Что-то я никакого величия не наблюдаю, — Лань Сяохо демонстративно завертел головой по сторонам.

— Это потому, что у тебя глазки слишком узкие, вот и не разглядел, — участливо пояснил Тан Яньчжи.

Лань Сяохо аж поперхнулся мясом от такой наглости.

Три дня спустя

— Тан Лэй, что делать-то будем? — тихо спросил один из сообщников.

— Три дня за ними тащимся. Они только и делают, что жрут да бездельничают. Вряд ли это ловушка. Тан Яньчжи шумит на весь лес лишь для того, чтобы заставить нас занервничать и показаться самим.

— Идём. Пора переговорить с этим выскочкой.

— Ну когда они уже полезут? — тоскливо протянул Лань Сяохо. В округе не осталось ни единой твари, которую они бы не прибили или не обобрали. От жареного мяса его уже с души воротило. Он-то надеялся, что преследователи нападут сразу, но эти недотёпы оказались на удивление терпеливыми — целых три дня выжидали!

Ещё немного, и он бы сам пошёл выковыривать их из кустов за шкуру.

— Тан Яньчжи! Надеюсь, ты не растерял своего присутствия духа! — из зарослей с разных сторон выступили трое практиков во главе с Тан Лэем, полукольцом перекрывая все пути к отступлению. — Прошлый раз тебе просто повезло, мы сглупили. Но теперь тебе не уйти!

— Да я-то в полном порядке, — широко улыбнулся Тан Яньчжи. — А вот у вас, господа, вид какой-то потасканный. Что, жизнь в глуши не задалась?

Тан Лэй с сообщниками поначалу хотели напасть под покровом темноты, но ночной мрак лишил бы их преимущества в обзоре. Тан Яньчжи — парень хитрый и изворотливый, впотьмах ему было бы куда проще выкинуть какой-нибудь фокус. Уж в чём в чём, а в подлых приёмах этот недомерок знал толк. Один раз они уже знатно опозорились, и наступать на те же грабли Тан Лэй не собирался.

Впрочем, Тан Яньчжи бежать и не думал. В прошлый раз это было не позорное бегство, а глубокий тактический манёвр! Истинный гений всегда знает, когда нужно отступить, а когда — ударить со всей силой.

— Тогда мы угодили в твою мерзкую ловушку, — процедил Тан Лэй, сжимая рукоять меча. — Больше этот номер не пройдёт!

— Ага, — лениво зевнул Тан Яньчжи. — Тот, что слева, мой. С остальными разбирайтесь сами. Жизни не лишать, в остальном — полная свобода действий.

— Самовлюблённый наглец! — взревел Тан Лэй.

Выбор Тан Яньчжи пал на левого противника неспроста: из всей троицы тот был самым слабым звеном. А Тан Яньчжи всегда предпочитал бить туда, где тоньше.

— Эй, недоносок, твой противник — великий я! — Лань Сяохо с вызывающим клёкотом выскочил вперёд, преграждая дорогу Тан Лэю. Птица без колебаний выбрала самого сильного бойца.

Полчаса спустя

— Тан Яньчжи, ублюдок ты паршивый, чтоб тебя черти драли в три погибели!.. — захлёбывался руганью поверженный враг.

Тан Яньчжи демонстративно поковырял пальцем в ухе. Однообразные проклятия уже изрядно намозолили слух. Не обращая внимания на вопли, он деловито срезал с поясов побеждённых мешки Цянькунь и принялся изучать их содержимое. С каждым открытым мешком его улыбка становилась всё шире. Сомнений не осталось: из этого малого мира он выйдет самым богатым

человеком!

Троица Тан Лэя обладала неплохой силой, а действуя сообща, они смогли прочесать самые опасные закоулки малого мира. Теперь все их многодневные труды перешли в личное пользование Тан Яньчжи.

Видя, как мародёр безжалостно сваливает в кучу их личное оружие и артефакты, Тан Лэй не выдержал и сплюнул кровью от ярости и бессилия.

Он уставился на Тан Яньчжи полным бешеной ненависти взглядом.

— Так вот в чём твой секрет... — прохрипел Тан Лэй, с трудом сглатывая подступающую к горлу желчь. — Вся твоя хваленая сила — это эти твари, верно?!

Кто мог подумать, что у этого ничтожества в подчинении окажется зверь на пике пятой стадии Концентрации Ци, а уж эта нелепая беспёрая курица и вовсе обладала непостижимой, пугающей мощью.

Тан Яньчжи замер, перестав перебирать трофейные мечи. Он медленно повернул голову к Тан Лэю.

— Откуда тебе вообще известно про сокровища? Кто пустил этот слух?

Тан Лэй лихорадочно соображал, выгадывая шанс.

— Верни моё оружие, тогда скажу, — процедил он, пытаясь торговаться.

Тан Яньчжи сокрушённо вздохнул и покачал головой, глядя на пленника как на умалишённого. На его губах заиграла зловещая усмешка.

— Дружище, ты, кажись, позабыл, в каком положении находишься. Ты связан по рукам и ногам и полностью в моей власти. И решать, говорить тебе или помалкивать, будешь уж точно не ты.

Тан Лэй лишь криво усмехнулся и демонстративно закрыл глаза, всем своим видом показывая, что из него и слова не вытянешь.

— Ох, ну почему обязательно нужно доводить до крайностей? — покачал головой Тан Яньчжи, упирая руки в бока. В его глазах вспыхнул озорной огонёк. — Лань Сяохо, а ну-ка раздень этих троих. Спали их шмотки до нитки.

Вспомнив упорные слухи о том, что Тан Яньчжи предпочитает мужчин, Тан Лэй в ужасе

распахнул глаза. На лбу его выступил холодный пот.

— Ты... ты что задумал, ублюдок?!

— Да сдался ты мне, уродина! — Тан Яньчжи картинно закатил глаза, мгновенно разгадав его панические мысли. — Ещё чего выдумал. У меня вкус вообще-то есть.

— Погоди-ка... — Тан Яньчжи оглядел троицу с ног до головы, затем посмотрел по сторонам и приметил раскидистые лопухи у скалы. Глаза его загорелись. Он мигом нарвал охапку огромных листьев, быстро прошептал что-то на ухо Чиюню и вручил ему зелень, после чего целомудренно отвернулся.

— Так жечь или нет? — нетерпеливо хохотнул Лань Сяохо.

Тан Яньчжи кивнул, но спохватившись, что птица стоит к нему затылком, громко скомандовал:

— Жги, конечно жги! Но так, чтобы ни единого клочка ткани на них не осталось.

— Проще простого! — отозвался Лань Сяохо.

Он приоткрыл клюв, и в сторону Тан Лэя полетел колеблющийся язычок ледяного синего пламени. В одно мгновение дорогая шёлковая мантия осыпалась пеплом, а заодно огонь «совершенно случайно» слизал добрую половину шевелюры несчастного практика.

Чиюнь времени даром не терял. Подскочив к голому Тан Лэю с охапкой листьев и гибких лиан, он принялся ловко мастерить подобие набедренной повязки, прикрывая самые срамные места.

Лицо Тан Лэя аж потемнело от злости и унижения. Когда он осознал, что лисица изо всех сил пытается затянуть узел из лиан на его поясице, он истошно заорал:

— Хватит! Прекратите! Я всё скажу!

Тан Яньчжи с наигранным вздохом сожаления выудил из трофейного мешка комплект сменной одежды Тан Лэя и швырнул через плечо. Ткань удачно приземлилась прямо на плешистую голову бедолаги.

— Эх, а какая бы картина получилась! Прогулялся бы ты в таком наряде из лопухов по всему малому миру — твой наставник, Четвёртый старейшина, точно лопнул бы от гордости за любимого ученика.

Воображение Тан Лэя услужливо нарисовало эту картину, и его лицо мгновенно приобрело

землистый оттенок. Он заговорил быстро, захлёбываясь словами:

— Слух пустил твой двоюродный брат, Тан Баогэнь! И то, что я пытался покалечить тебя на арене во время отбора, тоже его рук дело. Он лично просил меня избавиться от тебя.

Лишь бы не подвергнуться изощрённому издевательству со стороны этого безумца, Тан Лэй выложил всё без утайки.

Мысль о том, что его, голого, прикрытого одними лопухами, поведут на верёвочке две твари на глазах у всех культиваторов школы, приводила его в неопиcуемый ужас.

Это означало бы полный крах. Репутация была бы уничтожена навсегда, а Четвёртый старейшина никогда не потерпел бы рядом с собой столь опозоренного ученика. Потеря артефактов, поражение в бою и лишение добычи — за это его бы просто сурово наказали, лишив ресурсов на пару лет. Но стать посмешищем для всей школы и бросить тень на имя учителя... Тан Лэй не сомневался: старик лично уничтожил бы его, чтобы смыть позор с репутации пика.

— Вот оно что, — Тан Яньчжи сокрушённо покивал. — Ну и зачем было упираться? Сказал бы сразу, не пришлось бы доводить до крайних мер.

Он с укоризной посмотрел на пленников. Сообщники Тан Лэя, потрясённые столь скорой расправой над их предводителем, мелко задрожали под его взглядом.

— Мы... мы вообще ничего не знаем! — наперебой запричитали они. — Пощади нас, умоляем! Мы принесём клятву Небесного Демона! Ни единая живая душа не узнает о том, что здесь произошло!

— Да чего вы так разнервничались? — недовольно поморщился Тан Яньчжи, подступая ближе. — Я же не монстр какой-то, людей не ем.

Связанные по рукам и ногам практики лишь судорожно сглотнули.

«Да ты в стократ хуже любого людоеда!» — хором подумали они, но вслух, разумеется, не произнесли ни звука.

Убивать направо и налево Тан Яньчжи не любил. Попутчиков Тан Лэя действительно можно было отпустить под клятву, вреда от них не предвиделось. А вот сам Тан Лэй... Этот ублюдок затаил смертельную обиду, и оставлять его в живых надолго было нельзя. Рано или поздно придётся найти способ прикончить его без лишних свидетелей.

Тан Яньчжи незаметно подбросил в складки одежды Тан Лэя одну опасную мелочь, которую случайно отыскал в этих краях. Сперва он действительно порывался прирезать ублюдка прямо

на месте, но вовремя одумался. Стоит Тан Лэю испустить дух, как подозрения падут на него. Всё же Тан Лэй находился на пике пятой стадии Концентрации Ци и считался фаворитом пика. Четвёртый старейшина наверняка снабдил любимого ученика охранными талисманами или меткой души, способной указать на убийцу. Да и во время схватки Тан Лэй успел высвободить запечатанный удар своего наставника. Хоть защитные артефакты Тан Яньчжи и приняли основной урон на себя, остаточная волна напрочь сожгла его любимое духовное одеяние.

— Эх, а ведь я эту мантию только недавно надел, — сокрушённо вздохнул Тан Яньчжи. Затем он сурово зыркнул на притихшую троицу: — Ладно, сегодня я добрый. Можете убираться. Но зарубите себе на носу: ещё раз встанете у меня на пути — пощады не ждите.

С этими словами Тан Яньчжи развернулся, собираясь уходить.

— Постой! А верёвки?! Развяжи нас сначала! — в панике закричал Тан Лэй, видя, что тот собирается просто бросить их посреди дикого леса.

Они были изранены, истощены до предела, а их даньтани опустели. Без духовной энергии, которая восстановится ещё нескоро, они не могли разорвать даже эти паршивые путы.

Приходилось униженно просить своего мучителя о пощаде — иначе они просто станут лёгкой добычей для любого проходящего мимо дикого зверя.

Оставшись без мешков Цянькунь, печати на которых Тан Яньчжи уже стёр своей силой, они лишились абсолютно всех запасов целебных пилюль и восстанавливающих эликсиров.

Тан Яньчжи презрительно фыркнул.

— Чиюнь, оттащи этих калек в ту пещеру, где мы прятались пару дней назад. Пусть отлёживаются там.

Чиюнь послушно увеличился в размерах, превращаясь в крупного зверя, и закинул беспомощную троицу себе на спину. Лань Сяохо с важным видом взлетел следом, устроился поудобнее прямо на голове лиса и свысока воззрелся на Тан Яньчжи.

— И не забудь завалить вход валуном, — крикнул Тан Яньчжи вслед.

Решив проявить «милосердие» до конца, он сам разыскал подходящий обломок скалы и намертво запечатал им лаз в пещеру, лишая пленников всяких сквозняков и незваных гостей.

Запертые во тьме практики ошарашенно переглянулись.

«Он что, решил нас тут заживо похоронить?!»

Тан Яньчжи беззаботно отряхнул ладони.

— Ну всё, пошли погуляем. Время ещё есть.

Лань Сяохо спорхнул на землю, Чиюнь принял свой обычный облик, и звери пристроились по обе стороны от хозяина.

— Слушай, а давай пойдём и придушим тех наводняющих драконов из озера? — заговорщицки прошептал пернатый.

«Жадюга несчастный, — обиженно ворчал про себя Лань Сяохо. — Предыдущую тушу цзяолуна, которую мы с Чиюнем вдвоём завалили, он сразу же припрятал в своё кольцо. И ведь ни кусочка мяса нам не перепало! А ведь это наша добыча!»

— Ещё чего! — отрезал Тан Яньчжи. — Сначала нужно найти тихое место и залечить мои раны. В прошлый раз вам просто повезло встретить одинокого молодого цзяолуна. С целым выводком нам не совладать, к тому же у меня закончились боевые пилюли. Если так не терпится сдохнуть — валяйте, идите одни.

Хоть те твари и именовались наводняющими драконами, на деле они были лишь несмышлёными молодыми цзяолунами. Связываться с разъярённым выводком без веской причины — пустая трата сил, а Тан Яньчжи терпеть не мог делать что-то бесплатно.

— Да твой Сяо Лои точно заценил бы такое угощение! — не унимался Лань Сяохо.

— Пока мы будем возиться с этими ящерицами, я успею настрелять кучу обычной дичи, — отмахнулся Тан Яньчжи. — Лои всё сожрёт за милую душу, лишь бы пожирнее было.

Обычные дикие звери — это вам не драконий выводок. За них никто мстить не прилетит. Один на один он любого зверя забросает талисманами до полусмерти.

Сейчас первоочередной задачей было восстановить силы. Тан Яньчжи ускорил шаг, направляясь к укрытию, которое приметил ранее.

С ранением соваться на глаза другим практикам было делом глупым и опасным.

Последующие дни Тан Яньчжи провёл затворником в своём потайном логове. Поправившись, он не спешил возвращаться в обитаемые земли малого мира. Вместо этого он планомерно прочёсывал дикие уголья, занося новые тропы и ориентиры на карту, которую ему когда-то дал отец. Если попадался сильный зверь — он принимал бой, если слишком опасный — благоразумно давал дёру. Охотился он исключительно на тех существ, чьё мясо буквально лопалось от избытка духовной энергии.

В его пространственном хранилище выросла целая гора из отборных туш чудовищ.

— Тоска зелёная... — простонал Лань Сяохо, безжизненно распластавшись на голове Чиюня. Ему даже лапы переставлять было лень.

«Эх, вернуть бы те весёлые деньки, когда мы путешествовали с Сяо Лои, — тоскливо подумал он. — Ну и пусть на нас постоянно кто-то охотился, зато скучно не было!»

Впрочем, Тан Яньчжи скуку не разделял. Все его мысли занимала забота о пропитании для своего спутника Дао и сына — а эти двое, как известно, обладали поистине бездонными желудками.

Как гласит старая мудрость: путь к сердцу мужчины лежит через его желудок. Тан Яньчжи следовал этому правилу неукоснительно.

С грохотом повалилась очередная туша. Тан Яньчжи привычным жестом отправил добычу в пространственное хранилище, сладко потянулся и наконец скомандовал:

— Ну что, звери мои, пойдём проведаем остальной мир. Посмотрим, как там дела у остальных.

Раны Тан Лэя и его дружков затягивались куда медленнее. Но едва встав на ноги, они тут же ринулись навёрстывать упущенное. Сколотив банду, троица принялась охотиться на одиноких или явно зажиточных практиков. Убивать они никого не решались, но безжалостно изымали ровно две трети всех пожитков жертвы.

Такая пропорция была идеальной: жертва оставалась жива и при каком-никаком имуществе, так что до крайностей дело не доходило. Обобранным бедолагам оставалось лишь молча скрежетать зубами от бессильной злобы и обходить банду десятой дорогой.

Объединённые силы этих троих превратили их в одну из самых грозных группировок малого мира. Другим искателям приключений, чтобы не стать их очередной мишенью, пришлось спешно сбиваться в большие отряды.

Тан Лэй видел, что они успели ополчить против себя едва ли не весь малый мир, а добыча при этом оставалась ничтожно малой. Она и близко не покрывала тех сокровищ, что наглым образом отобрал у них Тан Яньчжи.

Пока они находились под защитой законов малого мира, это казалось терпимым. Но по возвращении во внешний мир, лишившись своего личного оружия и артефактов, они неизбежно потеряют былую силу и авторитет.

Раструбить всем вокруг о том, что у Тан Яньчжи есть сильные фамильяры, тоже не имело смысла. За спиной этого мерзавца высились две нерушимые фигуры — старшие братья на

девятой стадии Концентрации Ци. Наказания за неудачу им всё равно не избежать.

Проведав, что какому-то счастливчику в малом мире удалось добыть Плод Продления Жизни, банда попыталась выследить его. Но тот, словно почуяв неладное, залёг на дно и больше не показывался.

Перед отправкой в малый мир сам Великий старейшина призвал их к себе и пообещал ценный артефакт в награду за этот редчайший плод. И упустить такой шанс было невыносимо обидно.

Никаких легендарных сокровищ у Тан Яньчжи не водилось — всё его величие держалось исключительно на двух тварях. Одна, судя по всему, была его контрактным зверем, а вторая — лишь приручённым питомцем.

«Когда вернёмся, нужно попробовать переманить эту птицу на свою сторону, — злорадно подумал Тан Лэй. — Если мне удастся подчинить себе столь могучее чудовище, моя боевая мощь возрастет многократно!»

Но вместо чужого богатства он лишился собственного. Тан Лэй прекрасно понимал: наставник будет в ярости от его бездарного провала. Без покровительства Четвёртого старейшины путь к вершинам культивации для него навсегда закрыт.

И виной всему был Тан Яньчжи.

<http://bllate.org/book/19637/2004049>